

Зависла неловкая тишина.

Чи Е давно уже разогрел ладони трением и теперь начал сомневаться, не поднялась ли у парня снова температура — раз уж тот несёт такую чушь. Он занёс руку, чтобы прикоснуться тыльной стороной ладони ко лбу Хуайцина, но тот, не дав даже дотронуться, сердито рявкнул:

— Чи Е!

— «Брат», — поправил Чи Е.

Время близилось к полуночи. Желая поскорее уложить больного спать, он произнёс уже строже:

— Не разглагольствуй. Ляг на живот.

Тун Хуайцин упрямо сжал в кулаке край одежды, глядя на него с непреклонным видом.

Ладно ещё, пока он лежал в беспамятстве — тогда переодевания было не избежать. Но сейчас-то он полностью в себе! С какой стати задирать футболку и выставять напоказ поясницу?

«Раскатал губу».

— Ты чего застыл? Ждёшь, пока я сам тебе... — Чи Е хотел было сказать «позу поменяю», но вспомнил, как недавно довёл парня до слёз в уборной, и вовремя проглотил фразочку: — Ну и копуша.

— Не надо меня ничем мазать, — мрачно отрезал Хуайцин.

— Не капризничай, — Чи Е решил, что тот просто боится боли. — Снадобье только печёт слегка, ничего больного.

Хуайцин сжал зубы. Переведя взгляд с бутылки с подозрительно-зеленоватым снадобьем на тыльную сторону ладони Чи Е, где отчётливо проступали вздувшиеся вены, он с трудом подавил закипающую злость:

— Выйди. Я хочу спать.

Чи Е лишь ухмыльнулся:

— Ладно, спи.

С этими словами он поднялся, явно собираясь выйти.

Хуайцин не удостоил его ответом. Он натянул одеяло до самого подбородка и привычным движением пошарил рукой у подушки. Покопавшись пару секунд и ничего не найдя, он резко вскинул голову:

— Мои вещи! Они остались в гостинице!

В его голосе проскользнула настоящая паника.

За долгие годы это стало неискоренимой привычкой: засыпая, он обязательно сжимал в пальцах уголок засаленного игрушечного кролика. Уезжая, он в спешке всё же захватил его с собой. Но из-за ливня так и не успел сдать номер и совсем забыл сказать Чи Е, что рюкзак остался там.

— Сходи принеси, — торопливо проговорил Хуайцин. — Третий этаж, самая дальняя комната в конце коридора.

Чи Е ответил не торопясь:

— Разотрём спину — схожу.

— Сначала принеси!

— Сначала растирка.

— Если опоздаешь, там никого не останется, все уйдут!

Чи Е даже не сдвинулся с места. Чуть прищурившись, он молча разглядывал парня.

Чего выдумывает? В ведомственных гостиницах дежурные сидят круглые сутки, никто там никуда не уходит.

Хуайцин несколько секунд молчал. Затем с абсолютно каменным лицом лёг обратно.

Всем своим видом он выражал покорность судьбе — делай, мол, что хочешь.

Впрочем, дело было не только в игрушке, без которой он действительно не мог уснуть:

поясницу и впрямь ломило. Старая травма. Массаж и иглоукалывание давали лишь временную отдушину, а хроника оставалась хроникой.

С превеликим трудом перевернувшись на живот, он уткнулся лицом в подушку, мысленно убеждая себя, будто перед ним — обычный массажист из клиники, с которым они едва знакомы.

Край футболки заскользил вверх, сбившись складками у самых лопаток.

Чужая одежда сидела плохо — слишком широкая, явно стиранная-перестиранная не один десяток раз, но оттого невероятно мягкая к телу.

Обнажилась узкая полоска белой, безупречно чистой кожи.

Вдоль позвоночника тянулась отчётливая ложбинка. Хуайцин был тонок в кости, но вовсе не выглядел истощённым: из-за фарфоровой белизны его тела поясница казалась изумительно гладкой, налитой мягкой свежестью.

Чи Е снова потёр ладони, пока они не раскалились, плеснул целебной настойки и прижал руки к пояснице парня, расходясь круговыми, втирающими движениями.

Хуайцин ещё глубже уткнулся лицом в подушку. Спутавшиеся пряди закрывали глаза, пока он прислушивался к ощущению тяжёлых ладоней на спине. Чи Е не соврал: боли не было. Вслед за терпким, остро пахнущим спиртовым ароматом по коже разлилось приятное, глубокое тепло.

Только шершавые, мозолистые края ладоней слегка пощипывали кожу при каждом движении.

— Цепочку твою... — вдруг заговорил Чи Е, — я убрал. На тумбочке лежит.

Он имел в виду шнурок для талии с нефритом и старинными медяками.

Хуайцин уже и думать о ней забыл. Украшений он почти не носил, да и эта штука, повязанная на пояснице, доставляла неудобство. Тогда, под проливным дождём, сгорая от жара, он едва соображал и уже успел выкинуть из головы их давешнюю стычку из-за алой нити.

Чуть повернув голову, он глянул на него из-под чёлки одним глазом:

— Почему?

Почему эта цепочка вызвала у него такую дикую реакцию?

Чи Е за день так и не побрился, и на его подбородке темнела лёгкая щетина.

— Совсем ведь молодой ещё, — он скрестил ладони на его талии. Поясница у парня оказалась настолько тонкой, а грабли самого Чи Е — настолько широкими, что две руки рядом просто не помещались, и растирать приходилось сжимая пальцы. — Если жизнь прижала, не надо ступать на кривую дорожку.

Хуайцин насупился:

— Какую ещё кривую дорожку?

— Ну... — Чи Е замялся, с трудом подбирая выражения. — Заниматься... вот эдаким промыслом.

Хуайцин вспыхнул. Опёршись на локти, он порывался сесть, но Чи Е тут же зафиксировал его за бёдра и вернул на подушку:

— Не дёргайся, не закончил ещё.

— Перестань говорить загадками! — Хуайцин извернулся, с гневом глядя на него. — Какая-то нитка с копейками! При чём тут кривая дорожка?!

Чи Е запнулся.

Судя по тому, как искренне тот возмутился, парень и впрямь был не в курсе.

— Значит... вышло недоразумение, — пробормотал он.

Горячая от настойки ладонь замерла. Испытывая неловкость, Чи Е кое-как, сбивчиво объяснил, что имел в виду. Сам понимал: звучит дико и стыдно. И надо же было из-за какой-то безделушки навешать на человека ярлыков!

Хуайцин не стал устраивать скандал. Он лишь затих, уткнувшись носом в матрас. Когда этот парень молчал, он казался удивительно кротким — вылитая фарфоровая кукла.

Ночь вступала в свои права.

Запах растирки почти улетучился, хотя приятный жар в области поясницы всё ещё грел мышцы. Вытерев руки, Чи Е вернулся в комнату. Хуайцин лежал к нему спиной, сбросив одеяло. На потолке мерно гудел вентилятор. Несмотря на наступившую осень, на кровати по привычке всё ещё лежала бамбуковая циновка — для прохлады. Когда Хуайцина только

привели сюда, тот сгорал от жара и бредил, но всё равно упорно сползал с постели и мотал головой, отказываясь ложиться.

Чи Е тогда сразу всё понял: избалованному городскому циновка показалась слишком жёсткой.

Потому-то он и постелил чистоплотный хлопковый комплект.

Матрас был мягким, но парень весил так мало, что под его телом ткань лишь слегка прогибалась.

Чи Е взял лёгкое байковое покрывало и накрыл им живот Хуайцина.

Не успел он и шага сделать, как с сухим шуршанием покрывало было отброшено в сторону.

Чи Е цыкнул языком и водворил его на место.

Хуайцин тут же сдёрнул его снова.

Ишь ты, злится, что тот всё ещё не ушёл за вещами!

— Ну и характер, — Чи Е покачал головой, с досадой глядя на неблагодарного жильца. — Только промок до ниток, опять хочешь в жару свалиться?

Хуайцин шевельнулся и неторопливо сел. Каждое его движение было исполнено такой естественной грации, будто его снимали для телевидения. Однако в следующее мгновение он без малейшего стеснения задрал край футболки.

От прежней робости не осталось и следа.

Он нарочито повязал цепочку обратно на поясницу.

Изумрудные бусины и старинные монеты выгодно легли на тонкую талию, лишь слегка прикрывая маленькое родинковое пятнышко, отчего его алый край чуть проглядывал из-под нити.

— Подумать только: простую безделушку приплести ко всякой грязи, — уголок губ Хуайцина дёрнулся в вызывающей ухмылке. — А вот и буду носить. Назло.

Он дерзил откровенно, держался высокомерно и беспечно — точно ему всё на свете было трава-травой.

И только в его светлых, прозрачных глазах застыла глухая отстранённость, какая бывает у семян одуванчика перед порывом ветра — готовая оборваться в любую секунду.

Чи Е не обиделся, только ухмыльнулся.

Капризный, нервный, а всё равно забавный: вечно встаёт на дыбы, да ещё с таким видом, будто кругом все ему должны.

Хмыкнув, Чи Е выпростал руку из-за спины. На пальце у него болталось длинное заячье ухо. Игрушка явно верой и правдой служила хозяину не один год: ткань от времени висела тряпкой и почти просвечивала.

Глаза Хуайцина мгновенно вспыхнули. Выхватив зайца обеими руками, он возмущённо буркнул:

— Не тереби за уши, порвёшь!

— Порвётся — зашью, — Чи Е поставил рядом с кроватью его рюкзак. — Я ещё в обед добежал до гостиницы, спросил дежурную и всё забрал.

— А сразу сказать сложно было?!

Получив своё сокровище, Хуайцин без зазрения совести принялся выставлять хозяина:

— Всё, иди давай. Я спать буду.

И, не откладывая дело в долгий ящик, щёлкнул выключателем. Комната погрузилась во тьму — парень словно опасался, что Чи Е задержится хоть на мгновение.

— Ладно-ладно.

Глядя на такую прыть, Чи Е понял, что рецидив горячки парню вряд ли грозит, и отказался от мысли дежурить ночью в его комнате.

— Если станет плохо — кличь, — бросил он на прощание.

Хуайцин даже веком не повёл.

Дверь тихо хлопнула.

В темноте едва заметно тлела накали́нная нить остывающей лампочки. В этом умирающем тусклом отсвете Хуайцин наконец с облегчением перевёл дух. Уложив потёртого зайца на подушку, он прижался к нему щекой, едва ощутимо потёрся носом о мягкую полинявшую шёрстку и, сжав пальцами заветный уголок, тихо заснул под едва уловимый дух травяной настойки.

<http://bllate.org/book/19966/1985816>